

зачем быть
счастливой,
ЕСЛИ МОЖНО БЫТЬ
НОРМАЛЬНОЙ?

Джанет
УИНТЕРСОН

No Kidding Press

18+

Дженет Уинтерсон

**Зачем быть счастливой, если
можно быть нормальной?**

«ВЕБКНИГА»

2011

Уинтерсон Д.

Зачем быть счастливой, если можно быть нормальной? /
Д. Уинтерсон — «ВЕБКНИГА», 2011

ISBN 978-5-6048611-0-3

В книге «Зачем быть счастливой, если можно быть нормальной?», впервые опубликованной в 2011 году, Джанет Уинтерсон возвращается к истории своего детства в приемной семье, легшей в основу полуавтобиографического романа «Не только апельсины» (1985), – на этот раз помещая ее в мемуарную рамку. Юные годы в промышленном городке на севере Англии, трудности взросления наперекор ожиданиям приемных родителей, истовых христиан-пятидесятников – развязку этой истории диктует сама жизнь. Надежду на освобождение от неприкаянного прошлого дает увлечение британской литературой и любовь к слову, которые Джанет Уинтерсон не только пронесет через десятилетия, но и сделает своим ремеслом. Отправляясь на поиски биологической матери двадцать пять лет спустя, она присваивает прошлый опыт, учится любить и примиряется с собой.

ISBN 978-5-6048611-0-3

© Уинтерсон Д., 2011
© ВЕБКНИГА, 2011

Содержание

1. ЧУЖАЯ КОЛЫБЕЛЬ	6
2. МОЙ ВАМ СОВЕТ: РОЖДАЙТЕСЬ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джанет Уинтерсон

Зачем быть счастливой, если можно быть нормальной?

Jeanette Winterson

WHY BE HAPPY WHEN YOU COULD BE NORMAL?

Jonathan Cape

Copyright © Jeanette Winterson 2011

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd through
The Van Lear Agency LLC

© Елена Троян, перевод на русский язык, 2023

© Gary Calton, фотография на обложке

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2023

* * *

*Трем моим матерям:
Констанции Уинтерсон
Рут Ренделл
Энн С.*

* * *

С любовью и благодарностью Сьюзи Орбах.

*Я бы также хотела сказать спасибо Полу Шереру за составление
моего семейного древа и Бибан Кидрон за ее телефон доверия. Спасибо
Вики Ликориш и детям – моей семье. Спасибо всем моим друзьям
за верность и поддержку. И, наконец, спасибо Кэролайн Майкл –
потрясающей агентке и замечательной подруге.*

1. ЧУЖАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Когда моя мать сердилась на меня, а бывало это часто, то говорила: «Дьявол подсунил нам чужую колыбель».

Так и вижу: 1960 год, Сатана отвлекается от своих насущных дел (холодной войны и маккартизма), чтобы навестить Манчестер. Цель визита – обмануть миссис Уинтерсон. Отдает откровенной театральностью. Эта женщина откровенно страдает от депрессии; она хранит револьвер в ящике с тряпками и щетками, а патроны держит в коробке из-под мастики. Ночи напролет печет пироги, чтобы не ложиться спать в одну постель с моим отцом. Еще у нее опущение матки, больная щитовидка, увеличенное сердце, незаживающие язвы на ноге и два съемных зубных протеза: матовый на каждый день и блестящий, с перламутровым отливом – на выход.

Я не знаю, почему у нее не было / не могло быть своих детей. Знаю, что она удочерила меня, потому что нуждалась в друге (друзей у нее не было). Я должна была стать чем-то вроде светового сигнала для всего остального мира: раз у нее есть я, то и она существует. Этаким крестиком на карте, надписью «Я была здесь».

Моя приемная мать выходила из себя при мысли о том, что она никто. Как и всем детям, приемным или нет, мне было предназначено прожить ту часть жизни, которую ей самой прожить не удалось. Мы все делаем это ради наших родителей – в сущности, выбирать нам и не приходится.

Когда моя первая книга, «Не только апельсины», вышла из печати в 1985 году, миссис Уинтерсон еще была жива. В этом полуавтобиографическом романе рассказывается история молодой девушки, которую в младенчестве удочерила семейная пара христиан-пятидесятников. Девочка должна была вырасти и стать миссионеркой. Вместо этого она влюбляется в женщину. Катастрофа. Девушка уходит из дома, самостоятельно поступает в Оксфордский университет, а когда приезжает навестить мать, обнаруживает, что та устроила дома частную радиостанцию и транслирует Евангелие неверующим. Радиослушателям она представляется как «Свет доброты», такой у нее позывной.

Моя первая книга начинается так: «Как и большинство людей, я долгое время жила с отцом и матерью. Отец любил смотреть борьбу, а мама любила бороться – неважно за что»¹.

Большую часть жизни я была готова размахивать кулаками. Ведь побеждает тот, кто ударит сильнее. В детстве меня били, и я рано научилась не показывать слез. Если на ночь меня выгоняли на улицу и запирали дверь, я оставалась сидеть на крыльце и дожидалась молочника. Затем выпивала обе пинты молока, оставляла у двери пустые бутылки, чтобы позлить мать, и шла в школу.

Мы везде ходили пешком. У нас не было ни автомобиля, ни денег на автобус. За день я в среднем наматывала по пять миль: до школы и обратно – две мили, в церковь и домой – еще три.

В церковь мы ходили каждый вечер, кроме четверга.

Кое-что из этого я описала в «Апельсинах», и, когда книгу опубликовали, мать прислала мне гневную записку, написанную безупречным каллиграфическим почерком. Она требовала, чтобы я позвонила.

---

¹ Цит. по изданию: Уинтерсон Дж. Не только апельсины / пер. А. Комаринца. М.: АСТ, 2019. – Здесь и далее приводятся примечания переводчицы и редакторов.

К тому времени мы не виделись несколько лет. Я бросила Оксфорд, с трудом пыталась наладить собственную жизнь и написала «Апельсины» совсем юной – когда книгу опубликовали, мне было двадцать пять.

Я пошла к телефону-автомату – домашнего телефона у меня не было. И она пошла к телефону-автомату – домашнего телефона у нее тоже не было.

Я набрала код Аккрингтона и номер, строго следуя инструкции, – и вот, пожалуйста, в трубке раздался знакомый голос. Кому, спрашивается, нужен скайп? Она говорила и говорила, и ее образ, обретая привычную форму, вырастал перед моими глазами.

Миссис Уинтерсон была крупной, весьма высокой женщиной и весила около двухсот восьмидесяти фунтов. Компрессионные чулки, сандалии на плоской подошве, кримпленовое платье и нейлоновый платок. Она пользовалась пудрой (за собой нужно следить), но не помадой (это от лукавого).

Она заполняла собой телефонную будку. Она была несоразмерна ничему, колоссальная фигура, как в сказке, где размер – вещь приблизительная и изменчивая. Она возвышалась. Она выпирала. И только позже, намного позже, слишком поздно, я всё-таки поняла, какой маленькой она себя чувствовала. Ребенок, которого никто так и не взял на руки. Этот недолюбленный ребенок навсегда остался у нее внутри.

Но в тот день она определенно неслась впереди собственного гнева. «Впервые в жизни, – выпалила она, – мне пришлось заказать книгу на вымышленное имя!»

Я попыталась объяснить, чего стремилась достичь в своей работе. Я амбициозная писательница – не вижу смысла что-то из себя изображать, да и вообще делать что угодно, если не ставишь перед собой больших целей. В 1985 году мемуарный жанр был не в почете, но в любом случае я не мемуары писала. Я пыталась избавиться от бытовавшей в обществе идеи, что женщины всегда пишут о «пережитом» – они, дескать, ограничены собственным опытом, в то время как мужчины пишут широко и дерзко, свободными мазками, экспериментируя с формой. Генри Джеймс напрасно сказал, что Джейн Остин писала на маленьких кусочках слоновой кости, то есть о крохотных тонко подмеченных мелочах. Что-то похожее говорили об Эмили Дикинсон и Вирджинии Вулф. Меня это приводило в бешенство. Да почему же нельзя объединить опыт с экспериментом? Разве невозможно одновременно наблюдать и творить? С чего вдруг женщину будет что-то или кто-то ограничивать? Отчего бы женщине не стремиться к успеху в литературе? А в жизни?

Миссис Уинтерсон категорически не желала меня слышать. Она была уверена, что писатели – это богемные распутники, у которых нет ни приличной профессии, ни уважения к правилам. В нашем доме книги были под запретом (я позже объясню, почему) – и вот мало того, что меня угораздило написать книгу, так ее еще и опубликовали, и даже вручили за нее премию... И теперь я стою в телефонной будке, читаю матери лекцию о литературе и спорю с ней о феминизме...

Короткие гудки – еще одна монетка в монетоприемнике. Ее голос накатывает и отступает, словно морская волна, а я думаю: «Почему ты мной не гордишься?»

Короткие гудки – еще одна монетка в монетоприемнике. И вот меня снова выгнали из дома, я на ступеньках крыльца. Жутко холодно, я подложила под попу газетку и съежилась в коротком пальтишке из шерстяной байки.

Мимо проходит соседка. Оставляет мне пакетик жареной картошки. Она знает, что за человек моя мать.

В доме горит свет. Папа работает в ночную смену, она могла бы лечь спать. Но она, конечно, будет всю ночь читать Библию. Когда отец вернется, он впустит меня в дом и промолчит. Она тоже ничего мне не скажет, и мы будем вести себя так, будто это нормально – выгонять ребенка из дома на всю ночь, будто это нормально – никогда не спать с мужем в одной

постели. Будто нормально иметь два съемных зубных протеза и держать револьвер в ящике с тряпками и щетками...

Мы всё еще стоим каждая в своей телефонной будке. Она сообщает, что мой успех – происки дьявола, хозяина «чужой колыбели». Она швыряет мне в лицо тот факт, что я использовала в романе собственное имя: «Скажи на милость, если это всё выдуманная история, то почему главную героиню зовут Джанет?»

Почему?

Не было времени, когда я бы не выдумывала свои истории в пику ей. Такой уж у меня был способ выживать с самого начала. Приемные дети любят присочинить о себе: нам приходится это делать, поскольку в самом начале нашей жизни зияет провал, отсутствие, знак вопроса. Важнейшая часть нашей истории исчезла, стерта насильно, будто в утробе матери взорвалась бомба.

Этот взрыв выносит ребенка в полностью неизведанный мир, познать который можно единственным способом – через историю, которую мы рассказываем о мире и себе. Все мы так живем, наша жизнь и есть рассказ, но усыновление забрасывает тебя в историю, которая уже началась. Это как читать книгу, в которой не хватает первых страниц, как угодить на представление, когда занавес уже поднят. Чего-то недостает, и это чувство никогда, никогда не покинет тебя – да оно и не может, не должно уйти, потому что чего-то *действительно* недостает.

Кстати, это не обязательно плохо. Утраченное прошлое, утраченная часть истории может стать открытием, а не провалом. Может оказаться как входом, так и выходом. Это древние окаменелости, отпечаток другой жизни, которую ты никогда не сможешь прожить. Наощупь ты познаёшь пространство, где она могла располагаться, и учишься считывать своего рода шрифт Брайля твоей жизни.

Эти отметины выступают над поверхностью, словно рубцы. Рассмотрите их. Рассмотрите обиду и боль. Перепишите их. Перепишите обиду и боль.

Именно поэтому я – писательница. Я не говорю «решила стать» или «стала» писательницей. Это не было волевым решением или даже свободным выбором. Чтобы не угодить в тесные сети истории миссис Уинтерсон, мне пришлось научиться рассказывать собственную историю.

Наполовину реальность, а наполовину вымысел – вот что такое жизнь. Она всегда служит прикрытием. Я сама написала путь, по которому смогла выбраться.

– Но это же неправда... – сказала миссис Уинтерсон.

Неправда? Это говорила женщина, которая объясняла мне, что в периодических набегах мышей на нашу кухню виновата эктоплазма.

В Аккрингтоне, что в графстве Ланкашир, стоял типовой дом из тех, которые мы называли «два на два»: две комнаты на первом этаже, две комнаты на втором. Втроем мы прожили в этом доме шестнадцать лет. Я рассказала свою версию: достоверную и выдуманную, точную и приукрашенную, изложенную не по порядку. Я сделала героиней себя, как в любой истории о кораблекрушении. Это и было кораблекрушение, меня выбросило на дальний берег человечества, правда, со временем я поняла, что не так уж оно и человечно.

Очень грустно думать об альтернативной истории, которую я описала в «Апельсинах», и понимать, что рассказала версию, с которой могла смириться. Другая, настоящая, была слишком болезненной. Я бы ее не пережила.

Меня часто спрашивают (мимоходом, для галочки): что в «Апельсинах» правда, а что нет? Работала ли я в похоронном бюро? Правда ли водила фургончик с мороженым? Суще-

становал ли шатер Благой вести? Миссис Уинтерсон действительно собрала собственную радиостанцию? Она в самом деле глушила мартовских котов из рогатки?

На эти вопросы ответить я не могу. Но могу сказать, что в «Апельсинах» есть персонаж по имени Глаголющая Элси: она приглядывает за маленькой Джанет и действует как буфер, защита от обид и карающей силы Матери.

Я вписала ее в книгу, потому что не могла от нее отказаться. Я вписала ее, потому что изо всех сил хотела, чтобы она была. Одиноким дети находят себе воображаемого друга.

Никакой Элси не было. И не было никого, кто был бы на нее похож. В действительности мой мир был куда более одиноким.

Перемены я проводила сидя на перилах в школьном дворе. Я не была популярной или симпатичной девочкой – слишком колючая, слишком взрывная, слишком чувствительная, слишком странная. Хождение в церковь не способствовало дружбе с одноклассниками, а в школе издевались над теми, кто отличался от большинства. Вышитую на моей сумке фразу «ПРОШЛА ЖАТВА, КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО, А МЫ НЕ СПАСЕНЫ»² было видно издалека.

Но даже когда мне удавалось завести друзей, я сама всё нарочно портила...

Если какая-нибудь девочка проявляла ко мне интерес, я дожидалась удобного момента и застигала ее врасплох заявлением, что больше не хочу с ней дружить. Наблюдала за ее замешательством и горем. Смотрела, как она плакала. А потом убегала, торжествуя, что держу всё под контролем, но торжество и ощущение власти над ситуацией быстро улетучивались, и тогда рыдала уже я – ведь я сама выгоняла себя из дома, снова оказываясь на ступеньках крыльца, где вовсе не хотела находиться.

Приемный ребенок – всегда чужак. Ты не чувствуешь принадлежности к группе и ведешь себя соответственно. В результате ты поступаешь с другими так, как другие поступали с тобой. Невозможно поверить, что тебя любят просто за то, что ты – это ты.

Я никогда не верила, что приемные родители любят меня. Я попыталась любить их, но у меня ничего не вышло. Понадобилось много времени, чтобы научиться любить – и отдавать любовь, и принимать ее. Я одержимо писала о любви, разбирала ее по косточкам, осознавала и по-прежнему осознаю ее как высшую ценность. Конечно, я любила Бога, когда была совсем маленькой, и Бог любил меня. Это было уже что-то. А еще я любила животных и природу. И поэзию. Но с людьми возникали сложности. Как любить другого человека? Как поверить, что другой человек любит тебя?

Я понятия не имела.

Я считала, что любовь – это утрата.

Почему мы измеряем любовь утратой?

Такими словами начинается моя книга «Письмена на теле» (1992). Я преследовала любовь, расставляла на нее капканы, теряла любовь, тосковала по ней и стремилась к любви...

Правда – штука очень сложная для кого угодно. Для писательницы то, о чем она решила умолчать, так же красноречиво, как и то, что она включила в книгу. Что лежит за пределами текста? Фотографы komponуют кадр, писатели komponуют свой мир.

Миссис Уинтерсон возражала против того, о чем я написала в «Апельсинах», но я убеждена: то, о чем я умолчала, осталось безмолвным близнецом рассказанного. Некоторые события приносят нам такую боль, что мы и заикнуться о них не можем, и таких событий много. Мы надеемся, что высказанное облегчит или хоть как-то смягчит ту часть, что так и не обрела голоса. Акт повествования – это своего рода компенсаторная реакция. Мир нечестен, несправедлив, непознаваем, им невозможно управлять.

---

² Иеремия 8:20.

Когда мы рассказываем истории, мы берем власть в свои руки, но неминуемо оставляем зазор, открытую дверь. Рассказ – это одна из версий, которая, однако, никогда не становится окончательной. Может быть, мы надеемся, что кто-то расслышит эти паузы, история обретет продолжение, будет рассказана заново.

Когда мы пишем, мы излагаем не только историю, но и паузы. Слова – произносимая часть молчания.

* * *

Миссис Уинтерсон предпочла бы, чтобы я молчала.

Помните легенду о Филомеле? Ее изнасиловали, а потом насильник вырвал ей язык, чтобы она не смогла рассказать о произошедшем.

Я верю в силу литературы и в силу историй, потому что благодаря им мы обретаем дар речи. Нас не заставить молчать. Все мы, проживая травму, обнаруживаем, что запинаемся и заикаемся, в нашей речи появляются долгие паузы. Слова застревают в горле. Через язык других мы возвращаем себе способность говорить. Мы можем обратиться к стихотворению. Мы открываем книгу. Кто-то готов прийти нам на помощь и уже подобрал слова.

Мне были нужны слова, потому что в несчастливых семьях существует заговор молчания. И нет прощения тем, кто однажды нарушит тишину. Ему или ей придется научиться себя прощать.

Бог есть прощение – по меньшей мере так его описывают в одной конкретной книге. В нашем же доме Бог был ветхозаветным, так что прощение не приходило без огромной жертвы. Миссис Уинтерсон была несчастлива, и нам приходилось быть несчастными вместе с ней. Она ждала апокалипсиса.

Ее любимой песней был гимн «Господь изверг их прочь» – подразумевалось, что это о грехах, но в действительности речь шла о каждом, кто когда-либо докучал ей, то есть обо всех окружающих. Ей не нравился никто, ей в целом не нравилась жизнь. Жизнь была бременем, которое нужно влечь до самой могилы, а там сбросить. Жизнь была юдолью слез. Жизнь была подготовкой к смерти.

Каждый день миссис Уинтерсон молила: «Господи, ниспошли мне смерть». Наблюдать за этим нам с папой было тяжело.

Ее собственная мать была благовоспитанной женщиной, которая вышла замуж за привлекательного мерзавца, отдала ему приданое и дальше беспомощно наблюдала, как он просаживает его на женщин. Какое-то время, примерно с моих трех до пяти лет, нам пришлось жить у бабушки, чтобы миссис Уинтерсон могла ухаживать за матерью, умиравшей от рака гортани.

И хотя миссис У. была глубоко религиозна, она к тому же верила в духов. Поэтому ее ужасно злило, что бабушкина спутница – стареющая буфетчица с крашеными волосами – была медиумом и проводила спиритические сеансы в нашей гостиной.

После сеансов мать жаловалась на засилье в доме мужчин в военной форме. Если я приходила в кухню за хлебом с тушенкой, мне запрещалось есть, пока мертвецы не разойдутся. Это могло занять несколько часов, а терпеть довольно трудно, когда тебе четыре года.

Тогда я завела привычку бродить по улице и просить еду у прохожих. Миссис Уинтерсон меня застукала, и я впервые услышала мрачную историю о дьяволе и чужой колыбели...

Соседнюю с моей колыбель занимал маленький мальчик по имени Пол. Он был моим призрачным двойником: его безгрешный образ приходил на помощь, когда я не слушалась. Пол никогда бы не уронил новую куклу в пруд (ничтожно малую вероятность того, что у Пола вообще могла появиться кукла, мы не обсуждали). Пол ни за что бы не набил помидорами чехол от пижамы в виде пуделя, чтобы поиграть в операцию на желудке с похожим на настоя-

щую кровь месивом. Пол не стал бы прятать дедушкин противогаз (по необъяснимой причине он завалился у деда еще со времен войны и очень мне нравился). Пол не появился бы в этом самом противогазе на милый праздник по случаю дня рождения, на который его не приглашали.

Если бы вместо меня они взяли Пола, всё было бы иначе, лучше. Предполагалось, что я должна была стать для своей матери подружкой... какой она была для своей мамы.

А потом ее мать умерла, и она замкнулась в собственном горе. А я заперлась в кладовке, поскольку научилась пользоваться ключиком для открывания банок с тушенкой.

Есть у меня одно воспоминание. Но так ли всё было на самом деле?

Воспоминание это начинается с роз, что удивительно для такого грубого и неприятного случая, но мой дед был заядлым садовником и особенно любил розы. Мне нравилось заставлять его за работой в саду: в вязаном жилете и рубашке с закатанными рукавами, он опрыскивал цветы из блестящей медной лейки с помпой. Он любил меня – по-своему, конечно. Мою мать дед недолюбливал, она его тоже терпеть не могла – не злобно, скорее с ядовитым и покорным недовольством.

На мне любимый ковбойский наряд – костюм и шляпа с бахромой. Мое тельце опоясано ремнем, с которого свисают стреляющие пистонами кольца.

В сад входит женщина, и дедушка велит мне бежать в дом. Нужно позвать маму, которая, как обычно, готовит гору бутербродов.

Я вбегаю в дом – миссис Уинтерсон снимает фартук и идет к двери.

Я подглядываю из коридора. Женщины, знакомая и незнакомая, яростно ругаются, и я не понимаю, в чем дело, но чувствую, как от них исходит что-то отчаянное и пугающее, какой-то животный страх. Миссис Уинтерсон захлопывает дверь и на мгновение прислоняется к ней. Я выползаю из своего укрытия. Она оборачивается. И видит меня – в ковбойском наряде.

– Это была моя мама?

Миссис Уинтерсон отвечает мне пощечину, я падаю на спину. Она убегает вверх.

Я выхожу в сад. Дедушка опрыскивает розы. Он не обращает на меня внимания. И никого больше нет.

2. МОЙ ВАМ СОВЕТ: РОЖДАЙТЕСЬ

Я родилась в Манчестере в 1959 году. Хорошее место, чтобы родиться.

Манчестер расположен на юге северной части Англии.

В городе царит своенравный дух – Север и Юг здесь сплелись воедино, – неукротимый и совсем не столичный, и в то же время практичный и приземленный.

Манчестер стал первым в мире промышленным центром, его ткацкие фабрики и заводы изменили до неузнаваемости как сам город, так и финансовые возможности британских промышленников. Манчестерские каналы открыли легкий доступ к огромному порту Ливерпуля, а железные дороги переносили мыслителей и деятелей в Лондон и обратно. Этот город оказал влияние на весь мир.

В Манчестере смешалось всё и вся. Манчестер был радикальным: здесь жили Маркс и Энгельс. Манчестер был репрессивным: здесь случилась бойня при Петерлоо³ и началась борьба с «хлебными законами». Фабрики Манчестера пряли несметные богатства, одновременно вплетая отчаяние и упадок в ткань человечества. Манчестер был утилитаристским, здесь всё рассматривалось с точки зрения «Хорошо ли это работает?» Манчестер был утопическим: с его квакерством, феминизмом, движением против рабства, социализмом и коммунизмом.

Манчестерский сплав алхимии и географии невозможно разделить на исходные элементы. Что там было, откуда взялось... Задолго до того, как в 79 году нашей эры римляне основали здесь форт, кельты уже поклонялись богине реки Медлок. Это место называлось Мамчестер⁴, поскольку «мам» – это мать, это материнское молоко, жизненная сила... энергия.

К югу от Манчестера лежит Чеширская равнина. Поселения в Чешире едва ли не самые древние из обнаруженных на Британских островах. Тут располагались деревни и странные, но прямые дороги к тому месту на широкой и глубокой реке Мерси, которое со временем назвали Ливерпулем.

К северу и востоку от Манчестера раскинулись Пеннинские горы – дикие, грубые, невысокие горные хребты тянутся через север Англии, где разбросаны редкие первые поселения, в которых мужчины и женщины жили уединенной, часто неустроенной жизнью. Гладкая Чеширская равнина, цивилизованная, обустроенная, и резкий рельеф Пеннинских гор в Ланкашире – подходящие места для размышления, места, где можно укрыться.

До окончательного межевания территорий Манчестер частично находился в графстве Чешир, а частично – в Ланкашире, и эта двойственность наделяет город беспокойной энергией и противоречивостью.

Текстильный бум в самом начале девятнадцатого века собрал все окрестные деревеньки и близлежащие поселения в одну огромную машину по производству денег. До Первой мировой войны шестьдесят пять процентов мирового объема хлопка перерабатывалось в Манчестере. Его называли Хлопкополисом.

Представьте огромные освещенные газовыми лампами заводы. Машины, приводимые в действие силой пара. Меж фабричных зданий теснятся многоквартирные дома. Грязь, дым, вонь красителей и аммиака, серы и угля. Звон монет, днем и ночью непрерывное движение, оглушительный шум ткацких станков, поездов и трамваев, грохот телег по булыжной мостовой,

---

³ Битва при Петерлоо, также известная как Манчестерская бойня, – жестоко подавленный митинг за всеобщее избирательное право, состоявшийся 16 августа 1819 года на площади Святого Петра. Название содержит игру слов – в столкновении участвовали гусары, сражавшиеся в битве при Ватерлоо.

⁴ Манчестер упоминается на римской карте дорог как Мамуций. Название представляет собой латинизированную форму предположительно кельтского слова со значением «грудь», что объясняют расположением селения на округлом холме.

очевидная беспощадность человеческой жизни, адский Нибельхейм и триумфальное шествие труда и целеустремленности.

Манчестер восхищает и в то же время приводит в ужас всякого, кто приезжает сюда. Чарльз Диккенс вдохновился им при написании «Тяжелых времен»: здесь бывали и лучшие, и худшие времена – и невероятные достижения техники, и страшная цена, которую платили работники.

Плохо одетые, измученные, пьяные и больные мужчины и женщины отработывали двенадцатичасовые смены по шесть дней в неделю, теряли слух, гробили легкие, не видели дневного света, тащили на работу детей, которые ползали под оглушительно грохочущими ткацкими станками, подбирая очесы хлопка, подметая, рискуя потерять кисти рук, руки, ноги, – совсем еще малыши, слабенькие, неграмотные и часто нежеланные. Женщины, на которых сваливались все домашние дела, работали так же упорно, как и мужчины.

Повсюду спуют дети и женщины, оборванные и такие же грязные, как свиньи, которые тут же валяются в кучах мусора и лужах... улицы в рытвинах и ухабах, большей частью немощеные и без сточных канав... стоячие повсюду лужи... темный дым от целой дюжины фабричных труб... среди этой невообразимой грязи и вони...

Фридрих Энгельс, «Положение рабочего класса в Англии» (1844)

Неприкрытая реальность манчестерской жизни, в которой всё было на виду, где успехи и провалы новой, неуправляемой реальности проявлялись повсюду, швырнула город в объятия радикализма, что в долгосрочной перспективе оказалось важнее, чем торговля хлопком.

Манчестер *бурлил*. Семейство Панкхёрст устало от тупиковых разговоров об избирательном праве и в 1903 году вышло на путь сопротивления, организовав Женский социально-политический союз.

В 1868 году в Манчестере прошел первый съезд Британского конгресса тред-юнионов. Его целью было добиться перемен, а не говорить о них.

Двадцатью годами ранее, в 1848 году, Карл Маркс опубликовал «Манифест коммунистической партии», большую часть которого он написал в Манчестере вместе со своим другом Фридрихом Энгельсом. Город, не оставлявший времени на размышления, город, захваченный жадной деятельностью, превратил теоретиков в активистов, и Маркс хотел использовать эту безграничную лихую энергию во благо...

В Манчестере Энгельс работал на предприятии отца и открыл для себя жестокую реальность жизни рабочего класса. «Положение рабочего класса в Англии» интересно читать и сегодня – пугающий, неутешительный текст о том, чем обернулась промышленная революция для простых людей, – что происходит, когда люди смотрят друг на друга «только как на объект для использования».

Обстоятельства твоего рождения – семья, история места и то, как эта история переплетается с твоей собственной, – определяют тебя, что бы ни вещали адепты глобализации. Моя родная мать стояла у станка на заводе. Мой приемный отец сначала был дорожным рабочим, а потом посменно выгружал уголь на электростанции. Он отработывал смены по десять часов, когда мог – оставался сверхурочно, экономил на автобусных билетах и каждый день проезжал на велосипеде по шесть миль в один конец. Мясо у нас на столе появлялось всего дважды в неделю, а у отца никогда не хватало денег на что-нибудь более выдающееся, чем раз в год на неделю вывезти семью к морю.

Отец зарабатывал не больше и не меньше, чем другие мужчины округи. Мы все были рабочим классом, толпой у заводских ворот.

Я не хотела угодить в этот пчелиный рой рабочего класса. Я хотела работать, но не так, как отец. Я не хотела исчезнуть. Я не хотела родиться и умереть в одном и том же месте, выехав разве что на неделю к морю. Я мечтала о побеге – если и есть что-то ужасное в индустриализации, так это то, что она делает побег необходимостью. В системе, порождающей безликие толпы, индивидуализм – единственный способ спастись. Но что тогда станет с общиной – и с обществом?

В бытность премьер-министром Маргарет Тэтчер выразилась в духе своего друга Рональда Рейгана, отдавая должное восьмидесятым, которые называли «десятилетие Я»: «Общества как такового не существует...»

Но пока я росла, мне до этого не было дела – и всех этих тонкостей я не улавливала.

Я просто хотела выбраться.

Моя родная мать, как мне рассказывали, была невысокой рыженькой девчушкой из рай-она ткацких фабрик в Ланкашире, которая в семнадцать лет легко, будто кошка, вытолкнула меня на свет.

Она была родом из деревеньки Блэкли, той самой, где шили свадебное платье для королевы Виктории. Хотя к тому времени, когда родилась моя мать, Блэкли уже не был деревней. Деревню поглотил город – такова история индустриализации, в которой есть место и отчаянию, и волнению, и жестокости, и поэзии – и всё это живет теперь во мне.

Когда родилась я, ткацкие фабрики уже ушли в прошлое, но низкие, стоящие встык длинными рядами дома остались – и каменные, и кирпичные – под пологими крышами из сланцевой черепицы. Скат сланцевой черепичной крыши должен быть не больше 33 градусов – с каменной же черепицей придется выдержать угол в 45, а то и в 54 градуса. Облик места полностью определялся тем, какие материалы были под рукой. По более крутым крышам с каменной черепицей дождевая вода стекает медленнее, задерживаемая неровностями и щербинками камня. А вот сланец более быстрый и гладкий, и, если такая крыша будет слишком крутой, вода обрушится с нее в водосточные желоба сплошной стеной. Наклон замедляет поток.

Типичные плоские серые неприглядные крыши северных рабочих районов выполняли нешуточную практическую задачу – как и промышленность, которую они снабжали рабочей силой. К ним привыкаешь, ведь, занимаясь тяжелым трудом, не отвлекаешься на красоту и прочие фантазии. Не ради красивого вида из окна строились эти дома. Мощенные толстенным песчаником полы, невзрачные крошечные комнатки, унылые задворки.

И даже выбравшись на крышу дома, увидишь лишь приземистые ряды дымоходов, изрыгающие клубы угольного дыма в туман, за которым прячется небо.

И всё-таки...

Пеннинские горы в Ланкашире – зачарованный край. Низкие, широко раскинувшиеся, массивные, твердые, с четко прорисованными гребнями холмов; словно грубоватые стражи, которые любят то, что не в силах защитить, и потому остаются на месте, склоняясь над уродливыми человеческими творениями. Испещренные шрамами и рывтинами – но всё-таки остаются.

Двигаясь по трассе M62 из Манчестера в направлении Аккрингтона, где я выросла, вы увидите Пеннинские горы – оглушительные в своей внезапности и тишине. Это пейзаж немногословный, неразговорчивый и упрямый. Не простая красота.

Но как же они прекрасны.

Где-то между шестью неделями и шестью месяцами от роду меня забрали из Манчестера и привезли в Аккрингтон. Отношения между мной и женщиной, которая меня родила, закончились.

Она исчезла. Исчезла и я.

Меня удочерили.

21 января 1960 года Джон Уильям Уинтерсон (рабочий) и Констанция Уинтерсон (госслужащая) получили ребенка, которого, как им казалось, они хотели, и отвезли его домой, в Аккрингтон, графство Ланкашир, по адресу Уотер-стрит, дом 200.

Этот дом они купили в 1947 году за двести фунтов.

В 1947 году зима в Британии выдалась самой холодной за всё двадцатое столетие. Снега намело столько, что когда в дом заносили пианино, его едва было видно из-за сугробов.

В 1947 году война уже закончилась, мой отец демобилизовался и изо всех сил старался заработать на жизнь. Его жена в тот год выбросила обручальное кольцо в сточную канаву и полностью отказалась от сексуальных отношений.

Я не знаю (и никогда не узнаю), действительно ли она не могла иметь детей или отказалась проходить через этот процесс по другим причинам.

Я знаю, что, прежде чем уверовать, оба они немного выпивали и курили. Не думаю, что у моей матери в те дни была депрессия. После палаточного похода, в котором они стали евангельскими христианами-пятидесятниками, оба отказались от алкоголя (кроме вишневой наливки на Новый год), а отец сменил сигареты «Вудбайнз» на мятные конфеты «Поло». Мать продолжала курить, утверждая, что сигареты помогают контролировать вес. Предполагалось, что курение – это ее секрет: она носила в сумочке освежитель воздуха и говорила всем, что это средство от мух.

Словно это самое обычное дело – держать в дамской сумочке средство от мух.

Она была истово убеждена в том, что Господь ниспошлет ей дитя, и, видимо, в том, что раз за появление ребенка отвечает Бог, секс можно смело вычеркнуть из списка дел. Не знаю, как к этому относился отец. Миссис Уинтерсон всегда говорила: «Он не такой, как другие мужчины...»

Каждую пятницу он приносил домой конверт с зарплатой, а она выдавала ему горсть мелочи, которой как раз должно было хватить на три пачки мятных конфет.

– Это его единственное удовольствие... – говорила она.

Бедный папа.

Он снова женился в семьдесят два года. Его новая жена Лилиан, на десять лет моложе и с весьма бурным прошлым, говорила, что спать с ним в одной постели – всё равно что лежать рядом с раскаленной докрасна кочергой.

До двух лет я орала как резаная. Это служило очевидным свидетельством моей одержимости дьяволом. О детской психологии в Аккрингтоне слухом не слыхивали, и вопреки важным научным работам Винникотта, Боулби и Балинта о привязанности и травме из-за ранней утраты объекта любви, которым является мать, кричащий ребенок считался не крохой с разбитым сердцем, а отродьем дьявола.

Это наделило меня странной властью, но в то же время сделало очень уязвимой. Думаю, мои новые родители меня боялись.

Младенцы вообще пугающие создания – неприкрытые тираны, чья единственная вотчина – это их собственное тело. У моей новой матери была масса проблем с телом – своим собственным, отцовским, их телами вместе, а теперь еще и с моим. Она кутала свое тело в плоть и одежду, заглушала его потребности внушающей ужас смесью никотина и религии, травилась слабительными, от которых ее тошнило, сдавала свое тело врачам, которые мучали его клизмами и маточными кольцами. Она полностью подавила стремления тела к удобству и повседневным прикосновениям – и тут внезапно, не от плоти своей, не подозревая, с чем столкнется, она заполучила существо, которое было сплошным телом.

Это существо срыгивало, брызгалось, растопыривалось, исторгало фекалии, и оно буквально взорвало дом нагой жизнью.

Я появилась, когда ей было тридцать семь, а отцу сорок. В наши дни это обычное дело, но в шестидесятые люди женились рано и обзаводились детьми лет в двадцать. К этому времени они с отцом были женаты уже пятнадцать лет.

Это был старомодный брак: отец никогда не готовил, а мать с моим появлением перестала ходить на работу. Это очень плохо на ней сказалось: она и до того была довольно замкнутой, а теперь, в четырех стенах, и вовсе погрузилась в депрессию. Ссорились мы часто и по разным поводам, но в действительности это всегда была битва между счастьем и несчастьем.

Меня очень часто переполняли гнев и отчаяние. Мне всегда было одиноко. Но вопреки всему я любила и по сей день продолжаю любить жизнь. В моменты уныния я уходила на весь день в горы, прихватив с собой бутерброд с джемом и бутылку молока. Когда меня выгоняли из дома или – еще одно любимое наказание – запирали в подвале с углем, я сочиняла истории и забывала о холоде и темноте. Я знаю, что всё это способы выжить, но что если отказ, любой отказ ломаться впускает в жизнь достаточно света и воздуха, чтобы мы могли продолжать верить в мир и возможность побега?

Недавно я нашла у себя несколько исписанных листков с обычной подростковой поэтической белибердой, где обнаружила строчку, которую позже незаметно для себя использовала в «Апельсинах»: «То, что я ищу, непременно существует, нужно только набраться смелости и искать...»

Да, звучит как подростковая мелодрама, но, похоже, у такого подхода была защитная функция.

Больше всего я любила истории о спрятанных сокровищах, потерянных детях и принцессах в заточении. Сокровища находились, дети возвращались домой, принцесс кто-то освобождал – и это давало мне надежду.

А еще Библия гласила, что даже если никто на всей земле меня не любит, то на небесах есть Бог, любящий меня так, как будто я для него избранная и единственно важная.

Я в это верила. Мне помогало.

Моя мать, миссис Уинтерсон, жизнь не любила. Она не верила, что ее хоть что-то может сделать лучше. Однажды она сказала мне, что вселенная – это корзина с мусором, космическая помойка. Я обдумала услышанное и спросила, открыта или закрыта крышка этой помойки.

– Закрыта, – ответила она. – Никому не спастись.

Единственным спасением был Армагеддон – последняя битва, в которой небеса и земля свернутся, как свиток книжный, а спасенные обретут вечную жизнь во Христе.

У нее по-прежнему был военный буфет. Каждую неделю она добавляла туда новую банку консервов – некоторые стояли там с 1947 года, – и я думала, что, когда разразится последняя битва, нам придется жить под лестницей, где хранилась вакса, и уничтожать одну банку консервов за другой. Мои ранние успехи в обращении с мясными консервами внушали мне уверенность в завтрашнем дне. Мы будем есть наш паек и ждать Иисуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.